

12+

МилаЛика Мэй

НеЖить

МилаЛика Мэй

НеЖить

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66463258

SelfPub; 2021

Аннотация

Юная красавица Деспа рано осталась сиротой. Её опекали только жители родной деревни. Но вместо того, чтобы отчаяться, девушка ходила в лес, говорила с деревьями и животными. Однажды у реки она встретила странного юношу... Куда приведёт её шестое чувство? В объятия друга или дремучие гущи леса?

Милалика Мэй

НеЖить

В деревеньке посреди дремучего леса, за частоколом, жила юная черноокая красавица Деспа. Родителей её давно унесла хворь, потому с детства она была под опекой добрых соседей. Изба на отшибе с годами покосилась: доски подбивать некому, девчонка слаба здоровьем и не сдюжит одна-одинёшенька трудную работу. У добрых людей своих забот полно, вот и не просила никогда помощи. Сама в лесу дикие травы собирала, сама готовила, шила, убиралась и таскала с речки полные вёдра воды. Тяжёл был труд, да не жаловалась. Кому тут жаловаться? Скотине, что посреди деревни в загоне стоит?

Лето выдалось на редкость парким. Солнце слепило глаза, голубое небо высоко повисло над головами деревенских жителей, что сустились по домашним делам с самого утра. Деспа вышла во двор и осторожно прикрыла покосившуюся дверь, чтобы та окончательно не упала. В нос ударила духота, смешанная с вонью животных. Скотина заливалась на разные голоса: блеяла, кукарекала, мычала и хрюкала. Деспа довольно улыбнулась, глянула на солнце и, подхватив два пустых ведра, побежала через деревню к реке. Вдогонку ей летели пожелания доброго утра от соседей и доброжелательный лай собак, которых она подкармливала.

За высоким частоколом начинался лес. Девушка уже давно пылко любила это волшебное место. Только здесь она могла собирать травы и корни в полной тишине, под ублаживающий шелест листвы и весёлое щебетание птах. Кроны зелёных сосенок, осин и берёз накрывали мягкой тенью, спасая от палящих лучей светила. Будто лес заботился о своей милой гостье. Дикие звери Деспу любили пуще родного дома, и приходили к ней, как только ступит бледная босая ножка на зелёный ковёр под сенью деревьев. Она благодарно гладила маленьких друзей ледяными руками, даруя им долгожданную прохладу и спокойствие: чего стоит бедной сиротке приласкать тех, кому она сейчас нужна. Деспа остро чувствовала настроение зверей и леса, она в любой момент могла понять, что где-то что-то стряслось. Когда ей было грустно, она спешила поведать о своих печалях жителям зелёного приюта. Могучие стволы хранили её тайны, как и многих других путников, изливших здесь душу.

Она бежала по росистой траве, размахивая пустыми ведрами. Из зелени кустов и с веток на девушку взирали удивлённые глазки-пуговицы, но выходить не спешили. Сквозь густую зелень Деспа уже различала впереди блеск водной глади. Воздух наполнился запахом хвои, ряски и мокрой свежести. Лес смешался с рекой, потянуло приятным холодом. Девушка выбежала на отвесный берег, остановилась у края махровых трав, что простирались под босыми ступнями и легонько щекотали пятки.

Внизу протекала широкая река. Её мерное журчание и кристальная чистота воды каждый раз вызывали радостную улыбку Деспы. Она часами могла любоваться бурным потоком и вглядываться в прозрачную глубину. На дне неслышно перестукивались камушки, от которых изворачивались мальки и рыбки покрупнее. Жемчужная чешуя временами выныривала из воды и блестела в редких лучах солнца, что пробивались через густые кроны бурых великанов. Слышался короткий всплеск – и по воде медленно расходились круги. У берега, в такт лёгкому ветерку колыхалась осока, а над ней заботливо ворковали плети ветлы.

Отблески солнца на воде казались Деспе драгоценными камнями из былин о князьях, походах на Царьград и разговоров волхвов с богами. Она видела в них больше, чем кто-либо из деревенских. Ровесникам её увлечения были непонятны. Для них она была чужой, странной девочкой-белянкой, которую следует опасаться, а не то, чего доброго, диких зверей натравит или в похлёбку яду нальёт. Взрослые более снисходительно относились к девочке, ведь знали, каково жить сироте без заботы родителей. И потому в друзьях у Деспы ходили только скотина, да дикие звери.

Вода сама себя не наберёт. Девушка побежала к берегу и вдруг поскользнулась на мокрой траве. Она уж было подумала, что больно ушибётся, но вместо этого осиную талию легко обхватили крепкие руки. Вёдра покатались вниз, а глаза Деспы расширились от удивления. В это время никто из де-

ревенских сюда нос не сует, поэтому она и ходит без опаски.

Руки незнакомца аккуратно, словно былинку, поставили девушку обратно на твёрдую землю. Она обернулась. Перед ней стоял высокий широкоплечий парень, ненамного старше неё, и улыбался белозубой улыбкой. Прямые волосы спадали до плеч и походили на догорающий уголёк: сверху чёрные, а концы красно-рыжие. Никогда прежде Деспа не видела этого юношу в своей деревне. Его серые глаза светились, как два алмаза. В них отражалась она – белолицая девушка с длинными сизыми волосами.

– Ногу не подвернула, красавица? – с улыбкой спросил юноша.

– Н-нет, – пролепетала Деспа.

– Что же ты одна на берегу реки стоишь? Упала бы, если б я рядом не проходил.

– Я... – девушка замялась. – Воды набрать пришла. А ты кто таков будешь?

– Меня Митька зовут. И ты представься.

Деспа как воды в рот набрала, слова вымолвить не может. Чтобы успокоиться, обвела взглядом одежду Митьки – портки новые, лапти, льняная рубаша, вроде бы всё в порядке. Только одно её смутило – рубашка не подпоясана, мешком на нём висит, хотя он парень не щуплый. Видно, наскоро одевался, не по размеру взял. Он всё улыбался и смотрел на неё, как замороженный. Но и в этой улыбке девушка заметила фальшь. Чутьё у неё от рождения хорошее, спутать не

могла. Поколебалась немного и ответила:

– Деспа. Откудова ты, дюжий молодец?

– Молодец? Приятно от такой зазнобы слышать, – Митька самодовольно ухмыльнулся. – Не местный я. У волхва вашего пока поживу. А потом домой, там ещё дела есть.

– Далёко дом твой?

– Далеко.

– За каким же спросом ты в деревню пришёл?

– Так дело у меня к волхву вашему. Как разберусь, отправлюсь в путь-дорогу.

– Ясно. Верю тебе. За спасение угощу. Пирогов и хлеба сама напекла.

Деспа улыбнулась, развернулась и побежала к вёдрам, оставив удивлённого парня на склоне. Она ласково положила ёмкость в воду и посмотрела на отражение своего радостного лица в прозрачном потоке. Где-то посередине реки послышался всплеск. Не обычный, как у рыбок, а мощный, такой, что едва не вырвал из руки девушки полное ведро. Деспа испуганно подняла очи – вода пошла рябью. Обернувшись, она крикнула Митьке, не показывая испуга:

– Иди к деревне! Я тебя сейчас догоню.

– Ладно, – пожал плечами юноша и скрылся в шелестящей листве.

Наскоро набрав второе ведро, Деспа окунула голову в воду. Открыла глаза и посмотрела по сторонам – никого. Вынырнула, набрала в грудь воздуха и хотела было снова оку-

нуться, но увидела недалеко впереди прекрасную женщину. Она стояла по пояс в воде голая. Красивые груди прикрывали мокрые волосы цвета сочной травы. Кожа бледная, почти прозрачная, как воды реки, на ней виднеются синие корневидные вены, которые расходятся по всему обнажённому телу. Деспа чуть не вскрикнула, когда женщина стала приближаться.

– Не бойся, дитя, – бархатным голосом сказала она. – Мы не тронем. Я пришла защитить... Уберечь от беды.

Деспа не верила словам женщины. Но что-то в ней притягивало сиротку, манило подплыть, коснуться тонкой кожи.

– Кто вы?

– Хранительницы реки. Берегини, дарующие свободу таким, как ты, несчастным. Мы призваны окружать детей заботой, выводить из леса светлыми тропами и наказывать неосторожных путников.

– Что вам от меня надобно?

– Близко... Земная твердь твой враг. Возвращайся к нам, когда подскажет сердце. Мы поможем, мы спасём, – женщина подошла к Деспе вплотную и ласково провела мокрыми холодными пальцами по тёплой щеке. В следующую минуту она вздрогнула, глянула куда-то за спину девушки, и недовольно скривилась, – Сторонний. Уходим.

Зеленовласка развернулась и почти бесшумно скрылась под блестящей речной гладью. Деспа стала выискивать её взглядом, попутно негодуя от внезапного исчезновения:

– Куда ты? Кто вы? Что значит враг?

Ответом ей было журчание воды. Она обернулась, лес спокойно шумел, никого видно не было. Выйдя из воды, Деспа подхватила вёдра и пошла к знакомой с детства тропинке.

У деревенских ворот её уже ждал Митька. Он с наглой улыбочкой опирался на высокие колья и смотрел, как из леса выходит слишком уж бледная девушка с отрешённым видом. Тогда юноша взволнованно ринулся ей навстречу и легко выхватил из слабых рук полные вёдра.

– Я помогу. Ну, где твоя изба? Показывай.

Тревожные думы тут же отпустили юную красавицу, и она ткнула пальчиком в сторону дальнего конца деревни. Как пришли, Митька пнул ногой дверь, и та выпала во двор с глухим хлопком. Парень успел отбежать в сторону, при этом не расплескав воду. Деспа в ужасе уставилась на дверь и закричала на гостя:

– Дуботолк!!! Как мне теперь избу запирать?

Митька поставил вёдра и весело ответил:

– А эта, можно подумать, запирала! Курам на смех. Отнеси вёдра в дом и инструмент мне подай. Не волнуйся, починим.

Девушка выполнила указания Митьки и принесла ему всё необходимое. Парень быстро навесил дверь на новые петли, чем заслужил одобрение молодой хозяйки. Накрыв низенький столик, Деспа усадила гостя на почётное место и поблагодарила.

– Хлеб у тебя вкусный. Я такого никогда раньше не пробовал, – признался Митька, смачно пожёвывая большой ломоть.

– По матушкиному рецепту стряпала, – с теплотой в голосе ответила Деспа. – Она меня печь учила, и хозяйство вести.

– А почему дом такой ветхий? Родители умерли?

Он так легко и беззаботно об этом спросил, что девушка растерялась. Митька её настроение заметил и поспешил объяснить:

– Мои тоже. Не одна ты на свете сирота, Деспа.

Они встретились взглядами. В этом было что-то неуловимо-понятное для обоих, как будто встреча старых друзей после долгой разлуки.

Так началась дружба между двумя одинокими сиротами. Каждый день приходил Митька к Деспе, и вместе они гуляли по лесу. Взявшись за руки, прыгали через ручейки, следили за рыбками в реке и слушали размеренный шум деревьев. Маленькие друзья черноокой красавицы познакомились с её новым приятелем и даже дали себя погладить. Жизнь девушки заиграла новыми красками, преобразилась настолько, что ей хотелось петь, а глаза блестели ярче, чем все драгоценные камни мира. Серые очи Митьки светились, выражая его радость от каждой новой встречи.

Как-то в один из солнечных дней небо заволокли тяжёлые серые тучи. Тёмной волной надвигались они на деревню, предвещая скорый дождь. Деспа возвращалась из леса с

полной корзиной трав, как вдруг увидела Митьку в компании деревенских девушек. Он весело что-то им рассказывал, а они с замиранием сердца слушали, внимая каждому слову. Рядом недовольно косились на них парни, так и порываясь вклиниться в разговор. Деспа уже давно подметила, что её друг популярен у местных девиц. Но от этого что-то больно щемило в груди, не позволяя дышать полной грудью. Когда Митька её заметил, она метнулась в избу, бросила корзинку на пол и прижала ладонь к сердцу, что бешено колотилось.

В дверь постучали.

– Митька, ты?

– Я. Поговорить надо.

Услышав его непривычно грустный голос, Деспа открыла.

– Проходи.

Юноша сел на пол и посмотрел в глаза подруге. Раздался далёкий раскат грома. Сквозь щели в двери пробивался свет от молнии. Тоска сквозила в серых очах, забирая с собой недавнее солнце.

– Беда какая? – тревожно спросила Деспа.

– Нет. Я сегодня с волхвом говорил...

Неприятное, жгучее чувство схватило девушку за горло. Она надеялась, что он этого не скажет, но юноша продолжил:

– Сегодня ухожу домой. Прости, Деспа, что не останусь дольше. Мне надо туда вернуться.

Ветер на улице взбесился. Порывы дёргали дверь, так и норовя зайти в дом, где сейчас шёл непростой разговор.

– Зачем? Ты, как и я, сирота! Зачем тебе уходить? Оставайся! – мольба в голосе подруги заставила челюсти парня болезненно сжаться.

– Если бы я мог... Поверь, у меня есть причины уйти.

– Но...когда-нибудь...ты вернёшься?

Чернота глаз Деспы затмила собой тьму, сгущающуюся вокруг. Вместо двух ярких звёзд бездонный колодец заглядывал в душу сидящего напротив парня. Митька долго молчал. Свистящий ветер заполнял собой тишину ветхой избы. Наконец, последовал короткий и предельно ясный ответ:

– Не вернусь.

– Почему?! Зачем ты сюда пришёл? Помучить меня?! Раздавить моё больное сердце?! Зачем, Митя?! – Деспа разрыдалась и упала на пол, закрыв руками лицо. Треск молнии и раскаты грома становились всё ближе.

– Прости... Я хотел попрощаться. Это очень тяжело, я понимаю. И мне тоже нелегко. Пойми и ты, Деспа – по-другому нельзя.

Юноша встал, подошёл к подруге, присел рядом и заключил её в тёплые объятия. Пара скупых слезинок катились по его щеке.

– Мне уже пора.

– Как, сейчас? В такую погоду? – всхлипывая, спросила Деспа.

– Да. Не волнуйся, всё со мной будет хорошо. А ты больше по росе не бегай! И...береги себя.

С этими словами Митька раскрыл дверь, криво улыбнулся подруге и вышел из дома. По крыльцу застучали крупные капли дождя. Гром и молния били одновременно, освещая деревню и потемневшее лицо красавицы Деспы. Сколько она ещё сидела так на полу, заливаясь слезами, не помнит. Только вот гроза прекратилась, и на небе снова засияло светило.

На подкошенных ногах девушка вышла туда, где недавно стоял её друг. Нет, не друг – возлюбленный. Она побрела к волхву и узнала от него, что юноша действительно ушёл пару часов назад. Соседи напоили Деспу чаем, прознав о её горе, и ровесники на время перестали подначивать, им ведь тоже нравился Митька.

Скоро уход юноши забылся. Деревенская жизнь вошла в привычное русло. Только на сердце Деспы всё ещё лежал неподъёмный камень. Она, как в бреду, выполняла домашнюю работу, без аппетита ела, гуляла по лесу и плакала, сидя под всезнающими деревьями.

В один из дней уходящего лета разыгралась новая буря. Девушка сидела дома и варила отвары из собранных в лесу трав: она помогала местному знахарю лечить людей. Сверкнула молния, озаряя всё вокруг. Деспа вздрогнула, припоминая бурю, что разыгралась в день ухода Митьки. Ей даже показалось, что за дверью стоит его чёрный силуэт. Она смахнула наваждение и принялась дальше помешивать отвар.

Раздался нетерпеливый стук в дверь.

– Кто? – Деспа от неожиданности уронила ложку в коте-

лок.

– Я, – проскрежетал голос за дверью.

Девушка подбежала к двери и широко её раскрыла. На пороге стоял коренастый мужчина низкого роста с жидкими русыми волосами, которые сейчас насквозь промокли, как и он сам.

– Твердош, это ты..., – разочарованно сказала Деспа. – Заходи, садись. Твой отвар уже готов. Сейчас принесу.

Девушка уже направилась к лавке, где были аккуратно расставлены деревянные тары, как Твердош грубо схватил её запястье. Широко распахнутые чёрные очи впились в лицо мужчины. На его губах играла усмешка, а мелкие впалые глаза блуждали по хрупкому девичьему телу.

– Не торопись. Дай хоть на тебя полюбуюсь. А то в последнее время только с этим Митькой и гуляла...

– Убери руку! Закричу, – твёрдо ответила Деспа, пытаясь высвободиться из крепкой хватки.

– Кричи-кричи, все по избам разбежались, Перун стрелы мечет. Аль думаешь, услышит кто? – сальная улыбочка возникла на неприятном лице.

Испуганная Деспа начала вырываться, но мужчина был сильней. Мозолистые руки схватили и потянули, не давая шанса выбраться. Твердош бессовестно нащупал ворот девичьей рубашки на груди и дёрнул. Ткань треснула вместе с очередным раскатом грома и отчаянным визгом Деспы. Никто не услышит, пронеслось в голове девушки. Тело и разум

окаатило волной страха. Ноги подкосились, но мужчина держал, не давая упасть, и теснее прижимал к своему мокрому телу. В голове мелькнуло смутное воспоминание. Возвращайся... Деспу будто молнией ударило – ноги окрепли, глаза прояснились, а в теле появилась сила. Она со всего размаху наступила на ногу мучителя. Тот вскрикнул и застонал:

– Ах, ты! Ну я тебе сейчас!

Не успел он опомниться, как Деспа рванулась вперёд, освободилась от капкана цепких рук и бросилась из дома. На улице бушевала гроза. Серое небо заставило её вспомнить родные глаза навсегда ушедшего юноши. Мешаясь с солёными слезами, дождь нещадно хлестал по бледным щекам.

Она побежала через всю деревню.

Дворы стояли пустыми, только скот жалобно подавал голос из загона. Пахло дождём, мокрой травой и почвой. Босые ноги скользили по залысинам дороги, слякоть топила ступни. Но Деспа бежала, несмотря на пелену непрошенных слёз перед глазами, ведь её никто не видел.

Лес встретил свою любимицу шумом мокрой листвы. Деревья заслоняли бледное тельце от жёстких пощёчин дождя, а мелкие зверьки бежали где-то рядом, умело скрываясь под зелёными ветками. Все желали помочь верной подруге. Над головой сверкали молнии, гром бил по барабанным перепонкам.

– Беги-беги, Деспа! От меня не убежишь!

Кровь застыла в жилах, когда девушка расслышала эти

страшные крики позади себя. Она не могла допустить, чтобы Твердош догнал, потому бежала изо всех сил, преодолевая дикую слабость.

Рубаха будто налилась свинцом от небесной влаги, а ноги скользили по мокрой траве. Тёмные пряди липли к лицу, закрывая обзор. На ходу она смахивала волосы и старалась удержать шаткое равновесие. Впереди показалась река.

Выбежав к ней, она поскользнулась и упала. Благодаря этому, Деспа скатилась по мокрой траве вниз, до самого берега. Тело ныло от мелких ссадин и ушибов, но сдаваться было рано. Девушка торопливо, на четвереньках, зашла в воду и окунула голову. Воды реки от дождя помутнели. Она вынырнула, отдышалась и посмотрела на рябую поверхность с надеждой. Отражение бледной девицы сменилось зеленовласой женщиной. Хранительница реки смотрела на Деспу с сочувствием. Рядом с ней вдруг появились ещё две женщины с зелёными локонами, что причудливо изворачивались в бурых водах.

– Русалки, – прошептала Деспа, осознав наконец, кого встретила в тот самый день.

Её старая знакомая потянула руки из воды. С отвесного склона сквозь грозовые всполохи прорвался яростный крик:
– Не уйдёшь!

Деспа обернулась – над ней высился Твердош, но спускаться не спешил. Тут холодная рука схватила девушку за запястье. Она вернулась к русалкам. Дождь колотил по блед-

ному прекрасному лицу женщины, которая держала за руку и ласково улыбалась:

– Мы защитим. Иди с нами...

Остальные русалки тоже влекли девушку к себе, на их очаровательных лицах играла добрая улыбка. Но Деспа колебалась. Она смотрела то в воду, то в лес, вспоминала деревню и Митьку, который может когда-нибудь вернуться. Твердош терпеливо ждал, стоя под проливным дождём.

Девушка нерешительно вырвала руку из захвата русалки и поднялась над водой. Из речной толщи на неё взирали три пары разочарованных глаз. Она подняла лицо к небу, по молодому стройному телу стекали струйки дождя.

– Ты меня не получишь! – крикнула она в серую высь.

Твердош залился диким смехом, думая, что обращаются к нему:

– Это конец. Тебе некуда бежать. Поди ко мне, я скрашу твоё одиночество.

Развернувшись в сторону мучителя, девушка, шатаясь, побрела наверх. Почва хлюпала под ногами, скользила, но она держалась, не давая себе упасть вновь. Лишь на вершине склона Деспа немного расслабилась. Она обречённо посмотрела на мужчину, который подходил ближе:

– Зачем я тебе?

– Ты так похожа на матушку..., – под дождём казалось, что он пустил слезу. – Мы были дружны. Я любил её... А она умерла. Осталась ты. Я и тебя люблю, краса наша.

Что-то во взгляде Твердоша было первобытное и дикое. Он подходил ближе, широко раскинув руки, чтобы поймать свою жертву, если решится бежать в лес.

Она застыла.

Страх сковывал по рукам и ногам. Отчаяние нахлынуло вместе с усиливавшимся дождём.

– Иди... Я стану тебе хорошим мужем. Буду опекать, беречь, и руку никогда не подниму. Забудь о своём Митьке, не вернётся он больше.

Не вернётся. Эти слова обрушились на Деспу с новой силой. Округу осветила яркая вспышка, одна из ярчайших в этом грозном сезоне. На другом берегу реки, далеко в лесу, раздался мощный треск. Показалось, будто разверзлась сама земля. Деспа порывисто обернулась, Твердош тоже уставился в чашу: посреди дождя полыхало дерево. Крупные капли не могли заглушить алой бури, как ни старались. Языки бережно окутывали верхушку, сворачивали молодые листья и превращали всё в труху. На стоявшие рядом деревья огонь бросаться не стал – ему хватало и этой сочной кроны.

Деспа любовалась силой богов. Даже в такой момент ей нравилось то, что она видела перед собой: две стихии, огонь и вода, далёкие, но неразделимые, сейчас слились в единое целое, на виду у всего леса. Девушка медленно кивнула сама себе и обернулась, встретившись с обезумевшим взглядом обожателя.

– Я люблю другого. И буду любить, пока в моей груди

бьётся сердце.

Эти слова распалили Твердоша. Он оскалился и не торопясь начал приближаться, заключая девушку в безвыходное положение. Деспа пятилась назад, пока не почувствовала, как нога беспомощно висит в воздухе. Бежать некуда. Надо сдаться или толкнуть его посильней, чтобы упал. Деспа размышляла об этом и топталась на месте, пока Твердош скалился.

Сделала ещё шаг назад. Зыбкая почва рассыпалась под её весом и ушла из-под ног Деспы. Чёрные глаза в панике раскрылись, Твердош выкрикнул её имя. Недолгое свободное падение... Тонкое девичье тело заботливо окутала вода. К разгорячённой душе ласково прикоснулась мокрая прохлада, и на лице место паники заняло умиротворение.

– Деспа! Деспа! – долетали до уходящего слуха глухие крики мучителя.

Ей было легко. Тяжёлый камень рассыпался, как склон, наполняя душу радостью. Она могла бы вынырнуть, могла бы дышать полной грудью, но сиротке хотелось покоя. Отдаться во власть добрых русалок и любимого с детства потока, которые не обманут и не предадут, не уйдут навсегда... Да, так будет лучше. Деспа в последний раз взглянула через толщу воды на всполохи серого неба и навсегда закрыла тёмные очи. Лёгкие раздирала ледяная влага.

Видя, как девушка погружается в воду, Твердош испугался. Вместо того, чтобы броситься на помощь любимой, он

попятился назад, развернулся и убежал в деревню. Там поведал всем, что девка утонула. Деревня оплакивала сироту, а избу её оставили в том виде, в котором была при жизни девушки.

На реке после дождя было свежо. Догорало поражённое молнией дерево, осыпая пепел ещё недавно зеленеющих листков; на ветках беспечно щебетали птички, у берега толпились звери, будто отдавали последнюю дань ушедшей подруге; с могучих дубов и вётел срывались капли, словно они тоже плакали над безвозвратно утраченным дитя.

Гладь воды пошла рябью. Небо ещё хмурилось, но уже проглядывали первые лучи солнца. Из недр реки шёл мягкий зелёный свет, а округу наполнил весёлый женский смех, поднимающийся со дна. Над поверхностью появились три русалки. На руках они держали хрупкое тело девушки, которая уже не дышала. Вместо одежды – ниспадающие на грудь зелёные волосы, кожа бледнее подснежника, синие вены заполонили лоно, сплетаясь в чудесные узоры. Русалки пошептали над ней и отпустили. Над водой осталось только удивительной красоты лицо. Тело же ласкали холодные потоки, будто оно не плавало, а парило над землёй.

В следующий миг безмятежно-сомкнутые веки открылись. Большие изумрудные глаза посмотрели в небо. Солнце успело полностью выйти из-за туч и светило прямо на реку, играло с мелкой рябью.

– Дождь прошёл, – сказала девушка и счастливо улыбну-

лась.

Её окружили три женщины и помогли принять вертикальное положение. Девушка взглянула на свои волосы, затем встретилась с парой таких же изумрудных глаз.

– Ты стала русалкой. По своей воле, – радостно сообщила та, с которой она общалась раньше.

– И что теперь?

– Мы вдохнули в тебя новую жизнь. Ты наша дорогая сестра отныне и впредь. Сейчас проведём обряд инициации.

– Дадим тебе новое имя, – пояснила вторая русалка.

– Ты не забыла прежнюю жизнь, но стала другой. Чувствуешь?

– Да. Меня больше ничего не тяготит. Я свободна! – девушка весело всплеснула руками. Глаза заискрились счастьем, когда она посмотрела на русалок. – И у меня есть семья. Чего ещё можно желать?

Женщины переглянулись, кивнули друг другу и нежно обняли новую сестру. Для неё началась жизнь, о которой она давно мечтала: ни боли, ни страданий, ничего лишнего, только безмятежное спокойствие и безграничное счастье быть с теми, кому ты действительно нужен. Самая прекрасная из русалок представилась:

– Моё имя Альдона. Я старшая из нас, появилась первой. Это мои помощницы – Дана и Ока. Мы тебя всему обучим. А теперь – встань у берега реки.

Русалки поплыли к месту, где случился обвал. Новенькая

посмотрела на обрыв, откуда недавно рухнула в реку – ничего, никаких эмоций. Наверное, они остались в прошлом, как и её земная жизнь. Перерождение забрало всё, что казалось важным, и оставило только блёклые воспоминания. Альдона встала перед новенькой, а Дана и Ока по бокам от неё. Старшая русалка создала на ладони водяной шар, из которого исходил яркий зелёный свет, и молвила, глядя девушке прямо в глаза:

– Имя тебе будет Варна, ибо сегодня ты в Ягоде сызнова родилась. Поклянись, что будешь свято чтить традиции и проводить обряды русалочьего племени. Клянись в верности слову нашему и слову богов наших!

– Клянусь! – без колебаний ответила девушка.

– Ибо есть в словах тех сила, дарующая новую жизнь. Напеваю тебя хранительницей реки, Варна! Будь отныне нашей родной сестрой. С благословения Агидель, слава Всевышнему Роду! Слава могучим богам!

Сотни голосов из глубин эхом повторили последние фразы, и Альдона вложила светящийся шар в место, где раньше билось израненное сердце Деспы. Варна услышала мелодичный, как переливы реки, голос у себя в голове. От него веяло материнской заботой и любовью: «Добро пожаловать в нашу большую семью, Варна».

– Слышала? – добродушно спросила Дана. – Это Агидель, наша матушка. Не сирота ты боле.

В груди затрепетало новое, в сто крат превышающее всё

остальное, чувство бесконечного, всеобъемлющего счастья. Задворки прошлого впустили в разум страшные в ту пору слова Твердоша: «это конец». Но это был далеко не конец, это было великолепное, сверкающее, точно жемчуга в реке начало.